

Каска шахтёра — «Купол надежды»

Я — шахтёрская каска. Возможно, в нашем музее я стою просто и скромно, но без меня ни один горняк никогда не спускался в забой. Мой силуэт узнаваем сразу: округлый купол, небольшой козырёк, а спереди — специальное гнездо для лампы-коногонки. Я не просто головной убор, я — тот самый «купол надежды», который принимал на себя удары, спасая самое ценное — жизнь и здоровье шахтёра.

Моё происхождение: от картона до пластика

История моего появления в России сравнительно молода. В угледобыче страны я появилась лишь в конце 1930-х годов, и поначалу меня придумали вовсе не для защиты — я нужна была просто как крепление для головного светильника. Первые мои собратья были не слишком прочными и делались порой из фибры — прессованного картона, пропитанного особым составом. Шахтёры ласково называли такие каски «стахановками», «ракушками» или «черепашками». В 1960-е на смену фибре пришёл текстолит — материал посерьёзнее, а уже в 1970-х родилась я в том виде, в каком ты видишь меня сегодня: из лёгкого, но невероятно прочного ударопрочного пластика. С тех пор пластиковый шлем стал неотъемлемым атрибутом каждой рабочей смены.

Как я устроена и почему меня называют «спасительницей»

С виду я проста, но внутри меня — сложная инженерная мысль. Мой корпус изготавливался по строгим государственным стандартам и должен был выдерживать падение груза массой 5 кг с высоты более метра, оставаясь при этом целым. Внутри, как гамак, натянута оснастка из кожаных или тканевых лепестков — тулейка. Именно она создаёт спасительный зазор между моим куполом и головой. Когда сверху летел кусок породы, я принимала удар на себя, амортизировала его, и купол прогибался, не касаясь головы. Более того, я защищала от поражения электрическим током и не давала искры при ударе металла — чтобы не воспламенить рудничный газ метан. На шахте я была всех цветов: оранжевые и жёлтые для горняков, белые — для инженеров. Но главное, на мне всегда держали светильник, луч которого разрезал кромешную тьму подземелья.

Моя роль в судьбе шахтёра

Я помню лица тысяч тружеников. Я помню жар глубоких забоев и холод подземных сквозняков. На мне, как орден, оседали царапины от падающих камней — каждая отметина была спасённым здоровьем, а порой и жизнью. Многие шахтёры относились ко мне с особым уважением и даже не снимали до самого подъёма на-гора, считая своим верным напарником. Я помню, как дрожал от напряжения ствол шахты и как пели свою бесконечную песню конвейеры с углём. А ещё я помню тишину в «час пик» — короткие минуты отдыха, когда шахтёр, прислонившись спиной к прохладной стенке штрека, закрывал глаза, но даже тогда я оставалась на посту.

Сегодня я нахожусь в музее школы № 16 города Новошахтинска — и это моё законное, почётное место. Наш город вырос на угле, и практически каждая семья здесь связана с шахтёрским трудом. Глядя на меня, знайте: очень похожая каска, возможно, защищала отца, деда или прадеда кого-то из учеников, которые сейчас приходят посмотреть на меня. Хотя я больше не спускаюсь в лаву и не слышу гул проходческих комбайнов, я продолжаю служить — теперь уже как хранительница памяти. Я рассказываю вам, молодым, о непростой доле горняка, о его мужестве и силе духа. Пока я здесь, в стенах вашей школы, жива память о настоящем шахтёрском характере и славной истории родного Новошахтинска.